

Рудольф Хачатрян

The Armenian Observer · 1985, 6 ноября · Перевод с английского

Мастер рисунка

РУДОЛЬФ ХАЧАТРЯН

РУДОЛЬФ ХАЧАТРЯН, новый мастер старого искусства, покажет свои рисунки в Детройте и в Лос-Анджелесе. Его считают первооткрывателем, вдохнувшим новую жизнь в многовековую традицию иконы. Материал иконописи — левкас на деревянной доске — он использует для монохромных рисунков и сепии, добиваясь необычного эффекта.

Г-н Хачатрян уже в Детройте, где в четверг 17 октября открылась его первая выставка в Северной Америке — в Центре искусств и отдыха армянской церкви Св. Иоанна в Саутфилде, штат Мичиган.

В конце октября выставка переедет в Heritage Gallery в Лос-Анджелесе.

Вартерес Карагозян, деятельный руководитель Editions Erebouni, сыграл решающую роль в том, что Рудольф Хачатрян и его работы оказались в Соединённых Штатах.

Хачатрян — выдающийся художник, которого хорошо знают и уважают по всему Советскому Союзу.

Эти выставки дают редкую возможность увидеть мастерские работы одного из самых уважаемых художников своего поколения.

Верен себе

СМОТРЕТЬ, как Рудольф Хачатрян работает над очередным портретом, — впечатление, которое не забывается. Посреди чистого белого поля, без всякой предварительной подготовки, он начинает рисовать два глаза. Только закончив глаза, он переходит к другой детали портрета и работает над ней с той же поглощённостью. Невольно спрашиваешь себя, удастся ли художнику собрать из этих разрозненных частей связанное целое, — и всякий раз с удивлением обнаруживаешь, что композиция не только завершена, но и не требует ни иных решений, ни добавлений, ни поправок. Готовая работа так чиста и гармонична, что кажется созданной разом, одним волшебным движением.

Портреты Хачатряна не запечатлевают застывшего мгновения: фотографичность его не занимает. Он схватывает всю суть человека в вечности — или вечность в человеке. Ради этого художник устанавливает с моделью особую связь и требует от неё той же преданности работе, какая есть у него самого. И тогда модель вдруг оказывается в самой середине совершающегося чуда и, более того, понимает, что её участие было необходимой частью творческого процесса.

Первый автопортрет Хачатрян нарисовал в тринадцать лет, и с тех пор этот жанр приобрёл для художника особое значение: «Всякий раз, когда я исчерпываю силы и наступает творческий тупик, я обращаюсь к новому автопортрету. Этот единственный в своём роде труд самопроверки приносит с собой желание работать и потребность создавать...» Именно в такую пору он начал пробовать работать на доске, покрытой левкасом. Так возник автопортрет, дававшийся художнику мучительно тяжело из-за постепенно слабеющего зрения. Зритель, однако, не чувствует в работе ни усилия,

ни боли.

Сила художника в том, что он не спорит с природой, своей учительницей, не пытается её изменить или улучшить, а сливается с ней, проникает в её глубину и затем переносит понятое на бумагу. И чем бы он ни работал — графитным карандашом, сепией или сангиной, — мы видим не один цвет, а целый строй оттенков.

Работы Рудольфа Хачатряна приносят глоток свежего воздуха, который будит и напоминает о человеческих ценностях. Он перенял искренность классиков, но никогда не пытался им подражать, потому что убеждён: однажды созданная правда живёт своей жизнью и не может быть создана заново. Работам Хачатряна присуще то неуловимое качество, которое рождается из уверенности художника, что ему некому и нечего доказывать и что есть лишь одно желание — быть верным только самому себе.

Генрих Игитян

Дар портретиста

РУДОЛЬФ ХАЧАТРЯН — график по преимуществу. Рисунок для него не ещё одно средство художественного высказывания: у рисунка своя самостоятельная задача и своё особое вещество. Глядя на его портреты (его любимый жанр), вспоминаешь работы мастеров Возрождения. В них та же безупречность классического рисунка, соединённая, разумеется, с современной формой и современным зрением. Хачатрян прочно укоренён в художественной традиции, и даже самая недавняя его техника заимствована у мастеров Возрождения. Его портреты исполнены графитом по левкасному грунту. Неровная поверхность левкаса не похожа на нейтральный фон бумаги; её мягкая, бархатистая фактура втягивает зрителя в глубину изображения.

Именно дар портретиста делает модели Рудольфа Хачатряна вневременными. Не зная их заранее, невозможно определить ни место, ни время. Зритель начинает искать сходства с людьми иных эпох и иных стран.

В его лицах — богатая духовная жизнь. Поверхностному и случайному здесь нет места. Художник идёт дальше того, что видит глаз, и выявляет красоту даже в самых обыкновенных лицах. И работает ли он сепией или сангиной — одним этим цветом ему удаётся выразить и тончайшие чувства, и самую суть.

В портретах Хачатряна нет робкой неопределённости сентиментального романтизма. Его линия чиста, тонка и точна, и портреты выходят завершёнными и органичными.

Кроме портретов, Хачатрян работал в композиции и в натюрморте. Он мастер чистой линии, безупречного вкуса и совершенства. Красота, которую он создаёт, захватывает — и захватывает снова и снова.

Марина Самсонян

Новый мастер старого искусства

РУДОЛЬФА ХАЧАТРЯНА зрелость и владение мастерством привели к поискам новых материалов, в которых он мог бы сильнее выразить своё сложное восприятие мира.

Он понял, что его видение и размах его художественного мышления стеснены пределами карандашного рисунка, и это неизбежно вело его к слому традиционного понятия

о рисунке.

Выход Хачатрян нашёл в левкасе (грунт на деревянной доске) — материале, который открыл неожиданные возможности в области графики.

Этот материал много веков был хорошо известен старым иконописцам. Но Хачатрян применил левкас не для живописи маслом, а для рисунка.

Работая на левкасе, он достиг небывалого мастерства рисунка в этом материале. Это мастерство помогло ему двинуться дальше, к новым художественным ценностям.

Трудно поверить, что эти сложные, светящиеся, полные цвета вещи созданы одноцветной сепией.

Кажется, будто художник каждым движением карандаша высвобождает таинственную жизнь, скрытую в глубине дерева.

В последние годы художник поражает зрителя простотой классических форм и невероятно строгой линией.

В искусстве, как и в жизни, «простое» означает самое трудное, самое редкое. Особенно в искусстве «простое» означает новый уровень, достигнутый художником в традиционных формах, которые классические мастера возделывали до того, что они стали совсем привычными, — и в которые художник вдохнул новую жизнь в современных условиях.

«Простой» эта форма искусства считается потому, что она общеизвестна в художественном мире, а трудна она потому, что требует нового уровня совершенства сверх той формы, которую совершенством считали старые мастера.

Хачатрян не разрушает старых форм рисунка. Он отталкивается от общепринятой формы, которую мастера Возрождения считали завершённой, и воссоздаёт её в новых условиях и в новом качестве.

Кира Михайловская

Примечание архива: та же газетная полоса напечатана в Armenian Mirror-Spectator 19 октября 1985 года — Pub-0110; статья Марины Самсонян из неё перепечатана также в «Нор кеанк» (Глендейл) 31 октября 1985 года — Pub-0111.

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

Rudolf Khachatryan

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0115?lang=ru>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Рудольф Хачатрян

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0115?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.